

ПРАВО

УДК 343.3/.7

Настоящая работа представляет собой анализ дискуссионных моментов места и роли финансовых преступлений в уголовном праве. Подвергаются критике попытки сформулировать дефиницию финансовых преступлений, исходя из общего понятия преступления либо же отталкиваясь только от видов объектов в уголовном праве «по вертикали». Просмотрены также проблемы дифференциации уголовной ответственности за финансовые преступления на примере квалифицирующих обстоятельств.

Ключевые слова: уголовное право; финансовые отношения; финансовые преступления; классификация; дифференциация ответственности и квалификация запретных деяний.

The given work presents the analysis of the debatable issues of a place and a role of financial crimes in the penal law. The author exposes to criticism attempts to formulate a definition of financial crimes proceeding from the general concept of a crime or making a start only from types of objects in the penal law «on a vertical». Also problems of differentiation of criminal liability for financial crimes by the example of the qualifying circumstances are disclosed.

Key words: penal law; financial relations; financial crimes; classification; differentiation of responsibility and qualification of forbidden acts.

Л. Л. Кругликов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: krugliko@uniyar.ac.ru

В. Ф. Лапшин

Академия права и управления ФСИН России

E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Особенности определения и классификация финансовых преступлений в современной науке уголовного права*

Научная статья

L. L. Kruglikov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: krugliko@uniyar.ac.ru

V. F. Lapshin

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Features of Definition and Classification of Financial Crimes in Modern Science of Penal Law

Scientific article

В уголовно-правовой литературе последних лет всё чаще подчеркивается, что «финансовая преступность может быть названа в качестве угрозы мирного и демократического социально-

экономического развития многих государств. При этом финансовые преступления и их последствия подрывают основы свободного рынка и законной экономической деятельности, нега-

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00478/15.

тивно влияют на эффективное функционирование и укрепление принципов демократии и верховенства закона» [1, с. 34–35].

На этом фоне высказываются мнения (подчас полярные) о дефиниции финансовых преступлений. Одна часть юристов ратует за самую широкую трактовку этой категории деяний, другая же склонна понимать ее как можно уже, по сути ассоциируя с бюджетными, налоговыми, таможенными или иными финансовыми нарушениями. Но спешить соглашаться с данным мнением не следует, по крайней мере до расстановки всех точек над *i* в ряде ключевых вопросов.

Первый из спорных моментов касается **объекта** финансовых преступлений. Поскольку составы последних описаны именно в нормах раздела VIII Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), то, исходя из наименования этого раздела, констатируется, что объединяющим их элементом является объект *раздела* (назовем его межродовым), а именно отношения *в сфере экономики*. Поскольку, далее, преступления этой группы саккумулированы в рамках гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», имеются законные основания для вывода, что родовым объектом главы (в целом) и финансовых преступлений в этой главе (в частности) выступает *экономическая деятельность*, или, иначе говоря, динамическая сторона отношений собственности. Ряд ученых придавали важное значение тому факту, что экономическая деятельность и отношения собственности как объекты имеют две стороны (подобно инструментарию, с одной стороны, и его использованию, «пуску в ход» – с другой) [2, с. 118; 3, с. 202]. Не случайно в теории говорят и пишут о процессах формирования, распределения и использования средств (в частности, финансовых).

Объект группы *финансовых преступлений* (назовем его групповым объектом) во многом предопределен предметом деятельности, теми или иными материальными ценностями, по поводу которых возникают финансовые отношения; зачастую к ним относят денежные средства в национальной и иностранной валюте, государственные ценные бумаги. Думается, к этому же кругу следует отнести драгоценные металлы и драгоценные камни, поскольку по настоящее время они не утратили свойств валютных ценностей выступать средством осуществления расчетов и гарантий-

ным средством исполнения имущественных обязательств [4, с. 11–12].

Финансовые отношения – объект, который для анализируемой группы преступлений является не только объединяющим (общим), но и *основным (главным)*, т. е. таким, ради охраны которого законодателем создана соответствующая уголовно-правовая норма [3, с. 203]. Отсюда представляется весьма спорным отнесение некоторыми юристами к анализируемой группе (в том числе) составов похищения акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия, защищенных от подделок (ч. 3 ст. 325), изготовления, сбыта поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использования (ст. 327¹), мошенничества при получении выплат и в сфере страхования (ст. 159² и 159⁵), нецелевого расходования средств (ст. 285¹ и 285² УК РФ) [1, с. 13–14].

Перечисленные преступления также затрагивают финансовые отношения, прямо посягая на них или ставя в опасность нарушения, но делают это попутно, определяя в этом случае охраняемые отношения в роли дополнительного (или подчас факультативного) объекта. Основное же охраняемое ими благо – иное: это государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, порядок управления.

Ввиду разности основных *родовых*, а также *и групповых* объектов некорректно ставить вопрос о консолидации разноплановых норм (см. ст. 170, 194, 198–199², 171¹, 325, 327¹, 200², 285¹, 285² УК РФ и некоторые другие) в рамках одной и той же группы или главы. Говоря иначе, неточно именовать все эти деяния финансовыми преступлениями. Таковыми являются только те из них, которые имеют единый и родовой, и групповой основной объекты и помещены, соответственно, в рамках гл. 22 УК РФ.

Что касается внутрigrупповой **классификации** финансовых преступлений в узком смысле слова, то осуществляться она должна (что, казалось бы, очевидно), исходя из совпадающих подгрупповых объектов. Однако фактически сделать это весьма затруднительно. Дело в том, что обычно выделяемая в теории права триада экономических отношений – формирование, порядок расходования, использование – затрагивает и статическую, и динамическую стороны

собственности, а отсюда не вполне адаптируется как критерий классификации одной из двух составляющих объекта «сфера экономики». И далее: диспозиции немалого числа статей финансовой направленности включают не единичные, а альтернативные признаки, направленные не на одну и не всегда только на статическую или динамическую составляющую. Например, диспозиция ч. 5 ст. 171¹ УК РФ озаглавлена «Производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или продажа немаркированной алкогольной продукции...». Из приведенного заголовка следует, что внутригрупповая классификация, в случае ее опоры на упомянутую триаду, весьма затруднительна (поскольку затрагивает и статическую, и динамическую сторону экономических, в том числе финансовых отношений) и должна опираться на иные компоненты (скажем, на характер связи субъектов отношения, особенности самих этих субъектов, предмет связи). Заметим также, что финансовые отношения представляют собой властеотношения (управомоченной стороной в них выступают органы государственной власти, представители государственной службы и службы в органах местного самоуправления).

Спорным представляется мнение, что классификация в пределах финансовых преступлений должна осуществляться «исходя из содержания конкретных финансовых отношений, которые являются непосредственным объектом преступления...» [1, с. 13]. Непосредственный объект в нашем понимании – это то благо, которое нарушается конкретным видом преступного поведения, а потому он не имеет прямого отношения к *группе* финансовых преступлений. Например, в приведенном нами примере с ч. 5 ст. 171¹ УК РФ непосредственный объект может иметь отношение к формированию («хранение»), распределению («продажа») или использованию («производство»). Но здесь не три группы преступлений, а, как полагает законодатель, один вид преступного поведения (ч. 5 ст. 171¹ УК РФ).

Объективная сторона финансовых преступлений выражается в нарушении специальных правил, установленных финансовым законодательством. Думается, общественно опасное деяние нередко может выражаться и в бездействии. Характерная особенность объективной стороны анализируемой группы – ее вредоносность,

включающаяся, в частности, в невнесении таможенных платежей, налогов, сборов в крупном размере и т. д.

Можно поэтому утверждать, что некоторые составы финансовых преступлений сконструированы по типу материальных: они включают в качестве конститутивного (обязательного) признака преступного поведения указание на последствия либо на размер (размах) противоправной деятельности, стоимостное выражение которого позволяет произвести разграничение сходных составов финансовых преступлений и иных правонарушений [5, с. 412]. Примечательно также, что всё большее число стоимостных признаков (прежде сформулированных как оценочные) ныне приобретают свойство признака точного значения (см. примечания к ст. 169, 194, 198 УК РФ и др.).

Особо следует остановиться на составе сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов. Включение ст. 199² в УК РФ не было продиктовано, на наш взгляд, существованием пробела в уголовном праве, поскольку аналогичные действия до декабря 2003 г. могли квалифицироваться как уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей вне зависимости от способа совершения преступного деяния. Сокрытие налогоплательщиком имущества, за счет которого возможно погашение недоимки по налогам и сборам, в сущности, является приготовлением к совершению уклонения от уплаты обязательных платежей. По общему правилу, уголовная ответственность за совершение этих деяний исключается, т.к. преступления, предусмотренные ст. 198 и 199 УК РФ (кроме ч. 2 ст. 199), не относятся к категории тяжких или особо тяжких. Поэтому деяние, предусмотренное ст. 199² УК РФ, не обладает той общественной опасностью, которая присуща современному преступлению, сопряженному с уклонением от уплаты налогов. На этом основании, как нам представляется, необходимо исключить упомянутую ст. 199² действующего российского уголовного закона как самостоятельный вид преступного поведения.

По нашему мнению, субъективная сторона финансовых преступлений характеризуется только прямым умыслом. Это объясняется, во-первых,

тем, что большинство составов этой группы преступлений сконструировано по типу формальных, что априори уже исключает любую другую форму вины и другой вид умысла, кроме прямого. Во-вторых, в деяниях с материальным составом лицо, намеренно совершая посягательство, направленное на причинение вреда, не может не желать наступления общественно опасных последствий. Другое дело, что умысел в этом случае в части объема, размера может быть и неконкретизированным.

Подытоживая сказанное о признаках *финансовых преступлений*, определим описанные в нормах гл. 22 УК РФ деяния в сфере обеспечения финансовой безопасности как наделенные всеми чертами преступления (общественной опасностью, уголовной противоправностью, виновностью и наказуемостью – ч. 1 ст. 14 Кодекса) – *посягательства на установленные в обществе финансовые отношения*. На основе данного определения в группу финансовых преступлений могут быть включены только деяния, предусмотренные ст. 186, 187, 191, 192, 193, 193¹, 194, 198, 199, 199¹, 199² УК РФ.

Особого разговора заслуживает проблема **дифференциации** уголовной ответственности и наказания применительно к рассматриваемой группе преступлений. Как известно, дифференциация в уголовном праве означает разделение, расслоение этапов и уровней преследования лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет. В Общей части к средствам дифференциации относят освобождение от ответственности и наказания; особые правила усиления и смягчения наказания; роль лица в совершении совместного преступления; стадию, на которой было вынужденно прервано преступление; и т. д. Наиболее распространенные средства дифференциации в Особенной части – специальные виды освобождения по нереабилитирующим основаниям; специальные нормы; квалифицирующие и привилегирующие обстоятельства; вид и размер санкции.

В настоящее время основное внимание, как показывает законодательская и правоприменительная практика, уделяется квалифицирующим обстоятельствам. Так, за время действия УК РФ численность квалифицированных составов в группе финансовых преступлений возросла более чем на одну треть, а квалифицирующих признаков – и того более. Слабым же местом остается обоснование необходимости использования

в уголовно-правовых нормах конкретных дифференцирующих средств.

Например, в уголовно-правовой литературе предлагают «в связи с тем, что неисполнение обязанностей налогового агента фактически носит групповой характер, что представляет повышенную общественную опасность, в ч. 2 ст. 199¹ УК РФ необходимо внести такой квалифицирующий признак, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» [1, с. 17].

Вывод, возможно, и верен, но сомнителен ведущий к нему путь. Преступление не должно «фактически носить» групповой характер, ибо тогда речь идет о «преступлении-норме» (как, в частности, нормой разбоя является применение насилия, опасного для жизни или здоровья). Квалифицирующее же обстоятельство свидетельствует об отклонении от нормы, повышенной (по сравнению с обычной) общественной опасности содеянного. Поэтому обстоятельство, «претендующее» на роль усиливающего наказание фактора, с одной стороны, должно быть присуще определенной части преступлений определенного вида, с другой стороны, не иметь главенствующего, подавляющего характера. Следовательно, групповому характеру неисполнения обязанностей налогового агента может быть придано значение квалифицирующего обстоятельства, но не при названном автором условии, а только в случае, если криминологически будет подтверждена относительная распространенность, мыслимость группового способа действия «уклониста».

Или еще один пример. Тот же автор считает: «В связи с тем, что в ч. 2 ст. 172 УК РФ в качестве квалифицирующего признака не выступает причинение ущерба гражданам, организациям или государству в особо крупном размере, несмотря на то, что в основном составе причинение ущерба ... в крупном размере является обязательным признаком, необходимо дополнить ч. 2 ст. 172 УК РФ таким квалифицирующим признаком» [1, с. 17–18]. Согласно логике автора, коль признак с более ярким содержанием не входит в число криминообразующих обстоятельств, он обязан фигурировать в роли квалифицирующего. Например, в ч. 1 ст. 115 УК РФ указан только признак легкого вреда, значит, в ч. 2 квалифицирующим надо признавать средней тяжести вред здоровью; или: уничтожение, повреждение чужого имущества по неосторожности в силу ст. 168 УК влечет уголовную ответственность,

если причинен крупный ущерб, а об особо крупном ущербе не говорится. Значит, ч. 2 статьи, по логике автора, должна называть в качестве квалифицирующего особо крупный ущерб.

Но это неприемлемо, ибо важно установить существенный перепад в уровне опасности между проектируемым в ч. 2 статьи деянием и тем, которое описано в основном составе. Выделение признака в основном составе дает лишь «пищу для размышления», подталкивает к аналитике, а никак не предрешает вид конструкции и содержание второй части. Равно незначительный уровень общественной опасности деяния, фиксируемого в ч. 1 статьи, может свидетельствовать о малозначительности акта поведения, необходимости его декриминализации или депенализации. И тогда может возникнуть потребность ориентировки при установлении оснований уголовной ответственности на тот состав, ту норму, которые прежде предусматривали квалифицированный вид преступного поведения.

Ссылки

1. Нудель С. Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 59 с.
2. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 230 с.
3. Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник учёных трудов. Свердловск: СЮИ, 1969. Вып. 10. С. 184–225.
4. Лапшин В. Ф. Проблемные вопросы квалификации посягательств, нарушающих правила оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней и (или) жемчуга // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4. С. 11–15.
5. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Пресс, 2002. 641 с.